

УДК 821.111

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ «ОЖИВАЮЩЕГО» ПОРТРЕТА
В РОМАНЕ Ч.Р. МЕТЬЮРИНА «МЕЛЬМОТ СКИТАЛЕЦ»**

Т. Г. ЗАЯЦ

(Представлено: канд. филол. наук, доц. Н. В. НЕСТЕР)

Рассматривается роман Ч.Р. Метьюрина (*Charles Robert Maturin, 1782–1824*) «Мельмот Скиталец» (*Melmoth the Wanderer, 1820*). Характеризуются художественные особенности создания «оживающего» портрета в романе Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец».

«Оживающий» портрет получил особое распространение в готической литературе, однако появился задолго до нее. Возникновение «оживающего» портрета может быть связано с легендами о тождестве зеркала и души, с преданиями о гении, который продал душу врагу рода человеческого, либо с самой тайной изображения, хотя есть и более нестандартные теории возникновения. Для последующих писателей готической литературы основой и образцом стал «оживающий» портрет, описанный Г. Уолполом в «Замке Отранто». «Оживающий» портрет всегда играет ключевую роль в произведении, он создает таинственную, мистическую атмосферу и несет в себе глубинный смысл.

«Оживающий» портрет позволяет автору задействовать чувства и эмоции читателя. Момент оживания часто сопряжен с чувством страха, неуверенности и опасности. В то же время «оживающий» портрет часто оставляет ощущение недосказанности и неясности, которое является важной составляющей готической эстетики. Вследствие оживания человека, изображенного на портрете, происходит наложение различных временных пластов, жизни различных поколений как бы накладываются одна на другую. «Оживающий» портрет в произведении может являться как мотивом, так и символом, а в некоторых случаях он может быть ключом к пониманию сюжетной линии произведения.

«Оживающий» портрет в произведении Ч.Р. Метьюрина во многом имеет пересечения с традицией, однако в то же время многое в нем выходит за рамки привычного и общепринятого. Портрет в произведении впервые возникает экспозиционно и представлен он в форме описания картины различными персонажами. Однако после того, как автор вводит в курс дела, он на некоторое время отступает от темы портрета, оставляя читателя на том моменте, когда юный Мельмот сжигает портрет предка и после этого не то во сне, не то наяву видит того, кто был на нем изображен, а наутро обнаруживает, что его правое запястье посинело, будто бы его кто-то сжимал: «Вздвогнув, Мельмот вскочил с кровати – было уже совсем светло. Он осмотрелся: в комнате, кроме него, не было ни одной живой души. Он почувствовал легкую боль в правом запястье. Он посмотрел на руку: место это посинело, как будто только что его с силой кто-то сжимал»¹¹³ [1, с. 62].

После этого момента и практически до самого конца портрет появляется на страницах произведения крайне редко, буквально несколько раз (но даже и в этих случаях речь идет уже не о том портрете, который мы видели в начале произведения и который был сожжен, а о других портретах (и других людях). Таким образом, история с портретом и потомками Мельмота Скитальца, представленная в первых главах произведения, сменяется чередой рассказов о личности самого Мельмота Скитальца и следующее (оно же по совместительству и последнее) оживание Мельмота происходит уже непосредственно в заключительных главах.

В данном произведении «оживающий» портрет примечателен тем, что не для всех он является таковым. Если говорить в целом, то Мельмот Скиталец описывается как реальный человек, жизнь которого продлена далеко за рамки отведенного человеку времени, однако он продолжает жить и его существование вполне реально. Многие из тех, кто его видит, вообще никогда никаких его портретов не видели. Непосредственно «оживающим» портрет Мельмота Скитальца является для его потомков. В частности, для Джона Мельмота, который становится свидетелем «оживания» несколько раз.

Первое «оживание» происходит вскоре после того, как Джон видит портрет, как было предсказано дядей. По завещанию дяди, Джон Мельмот уничтожает портрет предка и рукопись, проливающую свет на кое-какие обстоятельства его жизни, однако в эту же ночь Мельмот Скиталец «оживает» ещё раз и является к нему собственной персоной, насмехаясь над поступком. Но здесь стоит отметить, что оживание будто бы начало происходить еще в момент уничтожения портрета: «Джон вспомнил вдруг о том, что дядя приказал ему уничтожить портрет. Он впился в него, рука его сначала дрожала, но пришедший

¹¹³ «Melmoth started, sprung from his bed, – it was broad day-light. He looked round, – there was no human being in the room but himself. He felt a slight pain in the wrist of his right arm. He looked at it, it was black and blue, as from the recent gripe of a strong hand» [2, p. 147–148].

в ветхость холст не стал ей противиться. Он выдрал его из рамы с криком, в котором слышались и ужас, и торжество. Портрет упал к его ногам, и Мельмот содрогнулся от этого едва слышного звука. Он ждал, что совершенное им святотатство – сорвать портрет предка, более века провисевший в родовом доме, – исторгнет из этой тишины зловещие замогильные вздохи. Он прислушался: не было ни отклика, ни ответа, но когда измятый и разорванный холст упал на пол, то черты лица странно искривились и на губах как будто заиграла усмешка. Лицо это на мгновение словно ожило, и тут Мельмот ощутил неопиcуемый ужас»¹¹⁴ [1, с. 61].

Однако на этом история не заканчивается. Мельмот уничтожил портрет, но, по сути, это явилось только началом: «Во сне или наяву (определить это Мельмот так и не мог) увидел он в дверях фигуру своего предка? Все было так же смутно, как и тогда, когда он видел ее в первый раз – в ночь, когда умер дядя; так и теперь он увидел, как человек этот вошел в комнату, подкрался к его кровати, и услышал, как он прошептал: – Что же, ты меня сжег, только такой огонь не властен меня уничтожить. Я жив; я здесь, возле тебя»¹¹⁵ [1, с. 62]. И далее, уже практически в конце произведения, автор вновь обращается к Джону Мельмоту и возвращает читателя к ситуации с портретом Мельмота Скитальца: «Молодой Мельмот (чье имя читатель, возможно, уже успел позабыть) выказал самое серьезное намерение удовлетворить до конца свое опасное любопытство; может быть, к тому же он еще тешил себя безрассудной надеждой увидеть, как оригинал уничтоженного им портрета выйдет вдруг из стены и возьмется сам продолжать эту страшную быль»¹¹⁶ [1, с. 554]. Вскоре после этого Мельмот Скиталец действительно появляется.

Такое использование мотива примечательно в том плане, что автор совмещает в произведении черты «оживающего» портрета в классическом его понимании, акцентируя внимание на потомках, но также добавляет и что-то новое, так как обычно «оживание» портрета локализовано в одном месте (например, фамильном поместье) и человека, изображенного на этом портрете, за пределами этого места никто не видит. Однако «оживание» Мельмота происходит в абсолютно разных местах и странах.

При этом автор преподносит оживание портрета разными способами. В начале произведения, когда Джон Мельмот только приезжает к своему дяде, он поражен услышанной историей как таковой, да и более того, он находится в крайне напряженной, стрессовой ситуации: где-то он не может уснуть, где-то просто много размышляет. Так что небольшие намеки на оживание (например, как в данном случае: «Очнувшись словно от толчка и подняв голову, он увидел глядевшие на него с холста глаза; отделенные от него какими-нибудь десятью дюймами, они показались ему еще ближе от осветившего их внезапно яркого света и оттого, что это было единственное в комнате человеческое лицо. На какое-то мгновение Мельмоту даже почудилось, что губы его предка зашевелились, словно тот собирался что-то ему сказать»¹¹⁷ [1, с. 61]) и даже само оживание дает возможность читателю задуматься и засомневаться в том, действительно ли все происходящее правда или же это происходит в расстроенном воображении Джона. И, хотя автор в некоторых случаях предоставляет доказательства того, что увиденный Джоном человек

и есть Мельмот Скиталец, все равно это не до конца развеивает сомнения читателя. Однако несколько дней спустя, в момент, когда Джон Мельмот слушает удивительный рассказ испанца, Мельмот Скиталец является перед ними обоими собственной персоной и вот здесь уже у читателя не остается никаких сомнений, что все описанное – объективный факт.

В традиционном понимании мотив «оживающего» портрета связан с некой незавершенной миссией, завершить которую не представляется возможным и это препятствует переходу личности в мир иной.

¹¹⁴ «... he remembered the injunction of his uncle to destroy the portrait. He seized it; – his hand shook at first, but the mouldering canvas appeared to assist him in the effort. He tore it from the frame with a cry half terrific, half triumphant; – it fell at his feet, and he shuddered as it fell. He expected to hear some fearful sounds, some unimaginable breathings of prophetic horror, follow this act of sacrilege, for such he felt it, to tear the portrait of his ancestor from his native walls. He paused and listened: – «There was no voice, nor any that answered; «– but as the wrinkled and torn canvas fell to the floor, its undulations gave the portrait the appearance of smiling. Melmoth felt horror indescribable at this transient and imaginary resuscitation of the figure» [2, p. 145–146].

¹¹⁵ «But (for Melmoth never could decide) was it in a dream or not, that he saw the figure of his ancestor appear at the door? – hesitatingly as he saw him at first on the night of his uncle's death, – saw him enter the room, approach his bed, and heard him whisper, "You have burned me, then ; but those are flames I can survive. – I am alive, – I am beside you» [2, p. 147].

¹¹⁶ «Young Melmoth, (whose name perhaps the reader has forgot), did «seriously incline» to the purpose of having his dangerous curiosity further gratified, nor was he perhaps altogether without the wild hope of seeing the original of that portrait he had destroyed, burst from the walls and take up the fearful tale himself» [5, p. 432].

¹¹⁷ «After a few moments, he raised himself with an involuntary start, and saw the picture gazing at him from its canvas. He was within ten inches of it as he sat, and the proximity appeared increased by the strong light that was accidentally thrown on it, and its being the only representation of a human figure in the room. Melmoth felt for a moment as if he were about to receive an explanation from its lips» [2, p. 145].

В произведении «Мельмот Скиталец» также имеется миссия, о которой множество раз говорится в тексте. Однако автор так и не дает нам однозначного ответа на вопрос о том, удалось ли Мельмоту Скитальцу выполнить эту миссию, и при этом Мельмот все равно умирает, а на земле от него остается один лишь платок, т. е. переход в мир иной так или иначе происходит.

И это довольно примечательно в том плане, что на протяжении практически всего произведения видно, что, по сути, эта самая незавершенная миссия является единственным, что удерживает Мельмота Скитальца на этой земле и что по этой самой причине он все время отдает тому, что пытается найти человека, согласившегося бы на его страшные условия. И страх у него только один – что жертва не согласится: «Опасности для него не существовало, и он не знал, что такое страх. Несчастливая судьба избавила его от того и другого, но что же она ему оставила взамен? Никаких надежд, кроме одной: распространить на других тяготеющее над ним проклятие. Никаких страхов, кроме страха, что жертва его может от него ускользнуть»¹¹⁸ [1, с. 330]. Однако мы видим, что все его попытки оказываются безрезультатными.

И в этом плане остается неясным то, по какой же все-таки причине умирает Мельмот. Происходит ли это от того, что он выполнил свою миссию? По всей видимости, нет, хотя это не совсем понятно. Поэтому что, с одной стороны, Джону Мельмоту и испанцу Монсаде перед самой своей смертью он заявляет, что так и не смог найти ни единого человека, согласившегося бы на его условия: «Никого из людей нельзя было заставить разделить мою участь, нужно было его согласие, – и ни один этого согласия не дал; поэтому ни на кого из них не распространится чудовищная кара. Я должен всю ее принять на себя»¹¹⁹ [1, с. 557] и далее по тексту: «Ни одно существо не поменялось участью с Мельмотом Скитальцем. Я исходил весь мир и не нашел ни одного человека, который, ради того, чтобы обладать этим миром, согласился бы погубить свою душу. Ни Стентон в доме для умалишенных, ни ты, Монсада, в тюрьме Инквизиции, ни Вальберг, на глазах у которого дети его умирали от голода, никто другой...»¹²⁰ [1, с. 558].

Однако, с другой стороны, он говорит: «Предназначение мое исполнилось, а вместе с ним завершились и все те события, которые возбудили ваше неистовое и жалкое любопытство»¹²¹ [1, с. 556]. Так все-таки удалось ли ему найти жертву или, может быть, было еще какое-то другое предназначение, о котором читатель не знает, остается неясным. Хотя автор дает нам кое-какие намеки относительно того, что, возможно, такое предназначение действительно было и что по итогу тайну своего предназначения Мельмот Скиталец все-таки уносит с собой: «Тогда Скиталец поднял голову и устремил на Мельмота застывший взгляд. – Твой предок вернулся домой, – сказал он, – скитания его окончены! Сейчас мне уже даже незачем знать, что люди говорили и думали обо мне. Тайну предназначения моего я уношу с собой. Пусть даже все, что люди измыслили в своем страхе и чему сами же с легкостью поверили, действительно было, что же из этого следует? Ведь если преступления мои превзошли все, что мог содейть смертный, то таким же будет и наказание»¹²² [21, с. 557].

Но здесь опять-таки конкретного ответа не дается, Мельмот говорит достаточно расплывчато, не подтверждая и не опровергая существующую информацию. А те немногие люди, что слышали его страшные условия никогда не говорят об этом прямо, это всегда происходит примерно следующим образом: «Обещайте мне сначала прощение того, что я повторю сейчас эти слова, если последнее дыхание мое изойдет в тот миг, когда они будут у меня на устах. – Те absolvo, – Произнес священник и низко склонился над нею, чтобы уловить все то, что она ему скажет. Но как только слова эти были произнесены, он вскочил, словно его ужалила змея, и, отойдя в дальний угол камеры, затрясся от страха»¹²³ [21, с. 553]. Человек тихо, шепотом озвучивает условия и дальше следует непосредственно реакция на его слова, а сами условия каждый раз опускаются.

¹¹⁸ «... of danger he was insensible, of fear he was unconscious; his miserable destiny had exempted him from both, but what had it left him? No hope – but that of plunging others into his own condemnation. No fear – but that his victim might escape him» [4, p. 196].

¹¹⁹ «None can participate in my destiny but with his own consent – none have consented – none can be involved in its tremendous penalties, but by participation. I alone must sustain the penalty» [5, p. 440].

¹²⁰ «No one has ever exchanged destinies with Melmoth the Wanderer. I have traversed the world in the search, and no one, to gain that world, would lose his own soul! – Not Stanton in his cell – nor you, Monçada, in the prison of the Inquisition – nor Walberg, who saw his children perishing with want – nor – another» [5, p. 441].

¹²¹ «That destiny is accomplished, I believe, and with it terminate those events that have stimulated your wild and wretched curiosity» [5, p. 436].

¹²² «Then the Wanderer raised his heavy eyes, and fixed them on Melmoth. «Your ancestor has come home», he said; «his wanderings are over! – What has been told or believed of me is now of light avail to me. The secret of my destiny rests with myself. If all that fear has invented, and credulity believed of me be true, to what does it amount? That if my crimes have exceeded those of mortality, so will my punishment» [5, p. 439–440].

¹²³ «Promise me absolution for repeating the words, for I should wish that my last breath might not be exhaled in uttering – what I must.» – «Te absolvo» said the priest, and bent his ear to catch the sounds. The moment they were uttered, he started as from the sting of a serpent, and, seating himself at the extremity of the cell, rocked in dumb horror» [5, pp. 428–429].

Поэтому остается только догадываться, является ли его смерть следствием одной из вышеуказанных причин, либо же это следствие того, что Джон уничтожил портрет, а, может, и того, что действие страшного договора ограничено конкретными временными рамками – дать однозначный ответ не представляется возможным. В любом случае очевидна ещё одна особенность «оживающего» портрета у Ч.Р. Метьюрина: таинственная миссия Мельмота Скитальца и его оживание связано не с семейными тайнами, как это обычно бывает, а с увлечениями Мельмота Скитальца, или, правильнее будет сказать, с последствиями этих увлечений. Мельмот стремится к знанию, что и становится причиной его несчастий: «Не потому разве, что я протянул руку и вкусил запретный плод, бог отвернул от меня свое лицо, врата рая закрылись для меня, и я обречен скитаться до скончания века среди безлюдных и проклятых миров?»¹²⁴ [1, с. 557].

В любом случае, Мельмот Скиталец в конце произведения появляется перед двумя персонажами, однако оба они не могут не отметить сильную перемену, произошедшую в его облике: «Это действительно был Мельмот Скиталец, такой же, каким он был сто лет назад, такой же, каким, может быть, будет в грядущих столетиях, если возобновится действие того страшного договора, который продлевал его дни. Сокрытая в нем сила не ослабела, однако взгляд его потускнел, в нем не было больше того устрашающего сверхъестественного блеска, какой он всегда излучал: это ведь был зажженный от адского пламени маяк, и он заманивал (или, напротив, предупреждал) отчаянных мореплавателей на рифы, о которые разбивались многие корабли и где иные из них тонули, – этого чудовищного света уже не было; всем обличем своим он ничем не отличался от обыкновенного смертного, от того, каким он был изображен на портрете, уничтоженном молодым наследником рода, только глаза у него теперь были как у мертвеца»¹²⁵ [1, с. 555]. И в скором времени после этого Мельмот Скиталец умирает.

Но при жизни Мельмота Скитальца были еще и другие особенности, связанные с его таинственным появлением и «оживанием». Одной из них является, то, что многие люди в этот момент слышат таинственную музыку, которая предвещает недобрые события. При этом совершенно неважно, сколько людей находится поблизости, слышат музыку только те, с кем в скором времени произойдет что-то недоброе. И уже сам факт того, что музыка слышна не всем нагоняет ужас и создает зловещую атмосферу: «К разговору об удивительной музыке больше не возвращались до тех пор, пока все не уселись за ужин; в эту минуту донья Инес и ее юный супруг, обменявшись улыбкой, в которой сквозили удивление и восторг, воскликнули оба, что слышат те же самые восхитительные звуки. Гости прислушались, но ни один из них ничего не услышал, и каждый ощутил странность происходящего»¹²⁶ [1, с. 34].

Сопровождающая появление Мельмота музыка неизменно звучит торжественно и нежно, за счет чего у слышащих ее людей складывается ложное впечатление чего-то прекрасного и возвышенного, что только больше подчеркивает контраст: «Прежде чем он успел окончательно прийти в себя, послышались звуки музыки, тихой, торжественной и пленительно нежной; они доносились откуда-то из-под земли и, распространяясь вокруг, постепенно нарастали, становились сладостней и, казалось, заполнили собою все здание. В порыве восторга и удивления он спросил кого-то из присутствующих, откуда доносятся эти звуки»¹²⁷ [1, с. 44].

В таких словах описывает Стентон эту музыку и буквально в тот же самый момент он припоминает историю, связанную с этими чарующими звуками: «Ему припомнился рассказ о том, как в роковую ночь в Испании такие же сладостные и таинственные звуки послышались жениху и невесте и как молодая девушка погибла в ту же самую ночь»¹²⁸ [1, с. 44]. И это сочетание нежной и прекрасной музыки со всеми страшными историями создает диссонанс в его голове: «Неужели следующей жертвой должен стать я? – подумал Стентон. – И неужели назначение этой божественной мелодии, которая словно созда-

¹²⁴ «If I have put forth my hand, and eaten of the fruit of the interdicted tree, am I not driven from the presence of God and the region of paradise, and sent to wander amid worlds of barrenness and curse for ever and ever?» [5, p. 440].

¹²⁵ «... it was indeed Melmoth the Wanderer – the same as he was in the past century – the same as he may be in centuries to come, should the fearful terms of his existence be renewed. His " natural force was not abated, "but" his eye was dim», – that appalling and supernatural lustre of the visual organ, that beacon lit by an infernal fire, to tempt or to warn the adventurers of despair from that coast on which many struck, and some sunk – that portentous light was no longer visible – the form and figure were those of a living man, of the age indicated in the portrait which the young Melmoth had destroyed, but the eyes were as the eyes of the dead» [5, p. 435].

¹²⁶ «The subject of the music was not again reverted to till the guests were seated at supper, when Donna Ines and her young husband, exchanging a smile of delighted surprise, exclaimed they heard the same delicious sounds floating round them. The guests listened, but no one else could hear it; – everyone felt there was something extraordinary in this» [2, p. 73].

¹²⁷ «Before he had well recovered, a strain of music, soft, solemn, and delicious, breathed round him, audibly ascending from the ground, and increasing in sweetness and power till it seemed to fill the whole building. Under the sudden impulse of amazement and pleasure, he inquired of some around him from whence those exquisite sounds arose» [2, p. 100].

¹²⁸ «He then remembered that night in Spain, when the same sweet and mysterious sounds were heard only by the young bridegroom and bride, of whom the latter perished on that very night» [2, p. 101].

на для того, чтобы подготовить нас к переходу в иной мир, только в том, чтобы возвестить этими «райскими песнями» присутствие дьявола во плоти, который насмехается над людьми благочестивыми, готовясь излить на них «дыхание ада?»¹²⁹ [1, с. 44]. Но история со Стентоном – далеко не единственный пример, так как музыка не единожды упоминается в тексте.

При этом есть, например, история с девушкой Иммали, в которой музыка не звучит, хотя по логике вещей это было бы вполне ожидаемо. Остается непонятным, почему же девушка не слышала музыку, ведь ее слышат многие люди, так или иначе связанные с Мельмотом Скитальцем, в особенности перед тем, как их жизнь трагически обрывается. Для Иммали знакомство с Мельмотом также имело судьбоносное значение и жизнь её заканчивается трагедией, однако она ни разу не слышала музыку.

Помимо этого, есть ещё одна особенность, связанная с Мельмотом Скитальцем. Заключается она в том, что он может абсолютно беспрепятственно переходить через все препятствия и практически ментально переноситься из одного места в другое: «страшная колдовская сила» дает Мельмоту возможность беспрепятственно проникать куда угодно, будь то даже камеры сумасшедшего дома или тюрьмы инквизиции. Он может свободно перемещаться и заявляет следующее: «ни пространство, ни время не имеют для меня никакого значения»¹³⁰ [1, с. 45] или «да будет тебе известно, что все эти засовы, решетки, стены значат для меня не больше, чем волны и скалы на твоём острове в Индии, что я могу войти куда угодно и выйти, как только мне заблагорассудится...»¹³¹ [1, с. 359]. И за счет этого Мельмот Скиталец может «оживать» практически моментально то в одном месте, то уже в совершенно ином, что еще больше вводит в заблуждение людей.

Описывая появление Мельмота в стенах Инквизиции, испанец говорит: «...человек этот, по-видимому, совершенно беспрепятственно и без чьей-либо помощи проникал ко мне в камеру и столь же легко уходил оттуда; у меня было такое ощущение, что ему дали ключ от нее и что во всякое время дня и ночи он мог входить туда, что ему не нужны были никакие разрешения и что запретов для него тоже не существовало»¹³² [1, с. 241]. Иммали также искренне недоумевает по поводу того, как Мельмот смог попасть на остров без помощи: «При всем своем неведении она не могла не выказать смущения по поводу того, как он вдруг очутился на острове, если нигде не видно никаких признаков лодки»¹³³ [1, с. 300].

Но на этом особенности, связанные с оживанием Мельмота Скитальца, не заканчиваются. Еще одной особенностью является то, что он может, например, обездвигить целую толпу людей одним движением: «На несколько минут все застыли в ужасе; наконец крик: «Держите убийцу» вырвался из всех уст, и толпа окружила Мельмота. Он даже не пытался себя защитить. Отойдя на несколько шагов и вложив шпагу в ножны, он только отстранил их рукой. И от одного этого движения, которое, казалось, возвещало превосходство внутренней силы над силой физической, каждый из присутствующих почувствовал себя словно пригвожденным к месту»¹³⁴ [1, с. 541]. Некоторые люди из толпы хотят дать отпор, но физически не могут этого сделать: «Мельмот поднял голову; он заметил пробежавшую кое-где по лицам вражду; он бросил на них мгновенный злоеющий взгляд; мужчины стояли, схватившись за шпаги, но бессильные вытащить их из ножен, и даже перепуганные слуги дрожащими руками держали факелы так, словно он заставил светить их себе одному. И он невредимый прошел среди всех к тому месту, где возле тел сына и дочери стоял оцепеневший от ужаса Альяга»¹³⁵ [1, с. 541].

¹²⁹ «And am I then to be the next victim?» thought Stanton ; «and are those celestial sounds, that seem to prepare us for heaven, only intended to announce the presence of an incarnate fiend, who mocks the devoted with ‘airs from heaven’, while he prepares to surround them with ‘blasts from hell» [2, p. 101].

¹³⁰ «I am independent of time and place» [2, p. 104].

¹³¹ «... be it known to you that I regard bolts, and bars, and walls, as much as I did the breakers and rocks of your Indian isle – that I can go where, and retire when I please» [4, p. 274–275].

¹³² «... he came and retired apparently without help or hindrance, – that he came, like one who had a key to the door of my dungeon, at all hours, without leave or forbiddance...» [3, p. 275–276].

¹³³ With all her ignorance, however, she could not help testifying her amazement at his arriving at the isle without any visible means of conveyance [4, p. 113–114].

¹³⁴ «There was a universal pause of horror for some moments – at length a cry of – «Seize the murderer!» burst from every lip, and the crowd began to close around Melmoth. He attempted no defence. He retreated a few paces, and sheathing his sword, waved them back only with his arm; and this movement, that seemed to announce an internal power above all physical force, had the effect of nailing every spectator to the spot where he stood [5, p. 396–397].

¹³⁵ «Melmoth started up – there was a slight movement of hostility among some of the guests – he turned one brief and withering glance on them – they stood every man his hand on his sword, without the power to draw them, and the very domestics held up the torches in their trembling hands, as if with involuntary awe they were lighting him out. So he passed on unmolested amid the groupe, till he reached the spot where Aliaga, stupified with horror, stood beside the bodies of his son and daughter» [5, p. 398–399].

Но здесь же стоит отметить, что в целом портрет Мельмота Скитальца, равно как и он сам, может оказывать необъяснимо сильное воздействие на человека. Например, испанец, носивший на шее кулон с портретом Мельмота Скитальца говорит о том, что портрет его душит.

Таким образом, в произведении Ч.Р. Метьюрина «Мельмот Скиталец» «оживающий» портрет в некоторых моментах соответствует традиции, однако при этом имеет ряд особенностей. Оживание портрета впервые происходит в начале произведения и непосредственно в конце, в то время как основная часть состоит из вставных историй и рассказов о личности Мельмота Скитальца. Примечательно то, что «оживающим» портрет является не для всех персонажей, а преимущественно для потомков и в этом плане автор достаточно близок к традиции, однако «оживание» Мельмота не локализовано в каком-то одном месте, как это обычно бывает.

«Оживание» портрета описывается автором изначально как нечто субъективное, связанное с восприятием Джона Мельмота. На данном этапе трудно сказать, действительно ли оживание имело место быть. Но далее автор преподносит оживание уже как объективный факт, свидетелем которому становятся несколько человек.

Также в произведении присутствует мотив незавершенной миссии, что соответствует традиции. Однако особенность заключается в том, что мы так и не узнаем, была ли выполнена миссия и не можем сказать, стала ли она причиной смерти Мельмота Скитальца. Кроме того, эта миссия связана не с семейной историей, как это обычно бывает, а с увлечениями непосредственно самого Мельмота Скитальца и не имеет практически никакого отношения к его потомкам.

Помимо прочего есть несколько других особенностей, связанных с «оживанием» Мельмота. Впервые, его появление часто сопровождается музыкой, что является плохим знаком для тех, кто эту музыку слышит. Во-вторых, Мельмот Скиталец обладает способностью очень быстро передвигаться, «оживая» то в одном, то в другом месте земного шара и помимо этого он может преодолевать любые препятствия, будь то стены инквизиции или замки. Ну и последнее, он может обездвигить целую толпу людей одним движением, так что никто не может дать ему отпор или даже просто пошевелиться. И в этом плане справедливым будет отметить, что и сам Мельмот Скиталец, и его портрет обладают способностью невообразимо сильно воздействовать на человека, вспомнить хотя бы тот момент, когда висевший на шее испанца медальон с портретом начинает его «душить», пока испанец не срывает медальон с шеи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Метьюрин, Ч.Р. Мельмот Скиталец / Ч.Р. Метьюрин: пер. с англ. А.М. Шадрина. – Ленинград: Наука, 1977. – 704 с.
2. Maturin, C.R. Melmoth the wanderer: in 4 vol. / C.R. Maturin. – Edinburgh: Archibald Constable & Co., 1820. – Vol. 1. – 360 p.
3. Maturin, C.R. Melmoth the wanderer: in 4 vol. / C.R. Maturin. – Edinburgh: Archibald Constable & Co., 1820. – Vol. 2. – 336 p.
4. Maturin, C.R. Melmoth the wanderer: in 4 vol. / C.R. Maturin. – Edinburgh: Archibald Constable & Co., 1820. – Vol. 3. – 382 p.
5. Maturin, C.R. Melmoth the wanderer: in 4 vol. / C.R. Maturin. – Edinburgh: Archibald Constable & Co., 1820. – Vol. 4. – 468 p.